

Дом стоял в глубине двора, который давно зарос травой, а к крыльцу вела чуть заметная дорожка. Татьяна даже не сразу разглядела каменные плиты, лежавшие под ногами,— так сильно оплела их трава. Это был ничем не примечательный дом с небольшими окошками, закрытыми давно не крашенными ставнями. Простая двускатная крыша с кирпичной трубой, потемневший от времени сруб. На фоне общего запустения новое крыльцо выглядело чужеродным; казалось, что оно само стеснялось своих светлых, ещё пахнущих свежей стружкой ступенек и покрытого ярко-синим пластиком навеса.

Хозяин передал Татьяне ключ от большого навесного замка, сел на скамейке под тенистым кустом сирени, достал из кармана клетчатый носовой платок и отёр пот со лба. Татьяна с трудом провернула ключ в замке, раскрыла дверь.

Из дома пахнуло холодным нежилым воздухом. Татьяна прошла на кухню. Здесь явно давно никто не жил. Огромная русская печь, занявшая полкухни, была давно не белена, повсюду толстым слоем лежала пыль. Но даже не это выдавало необжитость помещения. Ощущение безысходности и тоски веяло со всех сторон.

За спиной заскрипели половицы. Татьяна обернулась и увидела, что зять, чуть шагнув через порог, тут же развернулся и буквально выбежал на улицу.

Татьяна провела рукой по шершавому подоконнику. Ей вдруг показалось, что дом похож на соседку бабу Клавю. Клавдия Прокофьевна, как уважительно называли её односельчане, была грозой местной детворы. Уж сколько раз охаживала она их крапивой, застигая в своём саду. Но ещё более, чем крапивы, боялась ребятня сурового взгляда бабы Клавы. Боялись Клавдии не только ребята, но и взрослые. Сколько раз убеждали родители своих детей не лазить к бабе Клаве в сад, те, понуро склонив головы, клятвенно обещали, а назавтра опять сигналы через забор, подгоняемые крапивой. Что поделаться: пройти мимо сада бабы Клавы было просто невозможно. Казалось, что всё выращенное ею было во сто крат слаще и вкуснее, чем в собственном огороде. А уж таких сочных груш, как у соседки, и в самом деле не было ни у кого в селе.

Почувствовав, что начинает зябнуть, Татьяна вышла на улицу, подставила лицо яркому весеннему солнцу и зажмурилась. Волны тёплого воздуха мягко обволакивали и согревали. Неизвестно, сколько бы она так стояла, если бы не раздался голос зятя:

— Татьяна Анатольевна, поедем следующий дом смотреть?

Татьяна открыла глаза. Хозяин дома сидел всё так же на скамейке, обречённо опустив голову.

— Нет, мне этот дом понравился.

Хозяин медленно повернул голову: казалось, он не верил услышанному.

— Можно ключ оставить у себя? — поинтересовалась Татьяна.

Мужчина быстро-быстро закивал головой, как будто боясь, что покупательница передумает.

Всю ночь в комнате Татьяны горел свет. Ксюша с беспокойством спросила у мужа, как прошла покупка дома, но он только неопределённо пожал плечами:

— Нормально. Правда, она какая-то странная стала, когда вышла из дома. И пяти слов не сказала. Всё молчит и молчит.

— Говорила я ей, что дом нехороший, раз так дёшево продают, да ещё и в рассрочку.

— Ерунда, дом как дом,— возразил Вадим жене, но тут же поёжился, вспомнив, как поспешно покинул дом, как будто какая-то сила вытолкнула его.

Достав из сумки связанный за ночь из полосок ткани половичок, Татьяна положила его на крыльцо, разулась и ступила босыми ногами на пёстрый круг.

Весь день Татьяна мыла окна, вытряхивала половики, сметала паутину, повисшую во всех углах дома. Не было ни одного уголка, где бы осталась хоть одна пылинка. Но дом молчал. Он всё больше становился похожим на бабу Клаву, которая в минуты особого недовольства плотно поджимала губы, складывала на груди руки и отворачивалась. В такие минуты никто не осмеливался подступить к ней. Если ж кто по незнанию пытался заговорить, то баба Клава одаривала таким взглядом, что собеседник невольно прикусывал язык.

Татьяна обмакнула кисть в известь, на посеревшую от времени печь лёг влажный след. Татьяна трудилась без перерыва, пока вся печь не была побелена. Откинув волосы с покрытого потом лица, окинула взглядом проделанную работу. Печь празднично сияла свежей побелкой, совсем как баба Клава, когда надевала на Пасху белый платок с мелкими цветочками по краям.

— Ну что, тряхнём сединой? — спросила Татьяна то ли у себя самой, то ли у печи.

Вскоре в печи уже уютно потрескивали дрова, в кастрюле подходила опара, а Татьяна готовила начинки для пирогов. Заскрипела дверь, и в дом вошли Ксюша с Вадимом.

— Мамуля, мы привезли всё по твоему списку.

Вадим поставил тяжёлые пакеты на скамейку, сел за стол, рядом пристроилась Ксюша.

— Мама, как у вас уютно, — Вадим приобнял жену и поцеловал её в макушку.

Татьяна на секунду замерла: зять впервые назвал её мамой, — затем улыбнулась детям:

— Скоро пирожки будут готовы, пойдём соседей угощать.

И уже про себя подумала: «Как баба Клава».